

Содержание

Искушение 9

Роман

Преступление и искупление 289

Саморецензия

Юрий Векслер. *Писатель и Холокост* 295

Искупление

роман

I

Мать сидела на табурете, привалившись спиной к столу, и красными от мороза руками стаскивала кирзовый сапог. Всякий раз, когда мать, придя с работы, начинала стаскивать сапог, Сашенька замирала, глотая слюну, с колотящимся сердцем ожидая лакомых кусочков. Был последний день декабря сорок пятого, уже начинало темнеть, и Ольга принесла из кухни коптилку.

То, что их жилища Ольга была дома, сердило Сашеньку, она знала, что Ольга не уйдет к себе на кухню, а будет торчать у стола, пока мать не даст и ей что-нибудь.

Мать левой ладонью схватила себя за согнутое, обтянутое ватными штанами колено, держа ногу на весу, а пальцами правой руки, упираясь в задник, тянула изо всех сил. Сапог упал, и из портянки посыпались на пол смерзшиеся куски пшенной каши. Мать подобрала

ла их и сложила в заранее приготовленную тарелку. Она развернула портянку и достала тряпочку с котлетами. Было четыре котлеты: две совсем целые, подернутые хрустящей корочкой, две же были примяты ступней, и мать аккуратно сложила их на тарелку кусочек в кусочек. Затем она потянула ватную штанину и начала отстегивать пришпиленный булавками к чулку промасленный мешочек. Сладкий волнующий запах защекотал Сашенькины ноздри, под ребрами защемило, и она сглотнула слюну. Ольга тоже сглотнула слюну, да так громко, что в горле что-то хрустнуло, и Сашенька посмотрела на нее со злобой.

Сашеньке было шестнадцать лет, и была она довольно миловидна, но когда начинала сердиться, а сердилась Сашенька часто, бледное личико ее покрывалось румянцем, глазки блестели, губки иногда вытягивались вперед, а иногда приоткрывались, обнажая мелкие аккуратные зубки. Сашенька страдала, но где-то в глубине души испытывала и удовольствие всякий раз, приведя себя в такое состояние.

Ольгу Сашенька ненавидела так, что, случалось, от гнева начинал болеть затылок.

Ольге было лет тридцать восемь, но выглядела она старше. Это была тихая, покорная женщина, однако покорность ее временами

ЮРИЙ ВЕКСЛЕР

Писатель и Холокост

Главного героя «Искупления» (1967), летчика Августа (до войны студента-философа), родители, сестра и маленький брат которого были зверски убиты соседом во время немецкой оккупации, мучающие его мысли едва не приводят к самоубийству. Ему жизненно важно додуматься до причин Холокоста как торжества тотального зла. В споре на эту тему с профессором-арестантом Павлом Даниловичем он говорит: «Всякое убийство ужасно... но неотвратимое, запланированное убийство — это уже новое качество... Кровь ребенка, которого нашли и убили... Обязательно должны были убить, и всякий другой исход тут исключался... Такая кровь смывает с народа любые пятна... И делает любой гнев врагов его, пусть даже подкрепленный так называемыми справедливыми идеями, преступным... Было б еще хоть в какой-то степени если не справедливо, то понятно, если бы неотвратимому убийству подлежал всякий, кто

объявит себя евреем, как объявляли себя протестантами, например...»

Свой художественный ответ на вопрос о причинах Холокоста Горенштейн дал позднее в романе «Псалом» (1975), о чем речь пойдет ниже.

То, что делал в литературе Горенштейн, всегда было искусством и поэтому всегда наполнено загадочным. Вот два вопроса, которые возникли у меня при внимательном чтении «Искупления». В романе говорится, что родных Августа убил ассириец Шума. Почему Горенштейн, описывая события в Украине, избирает такую редкую национальность для носителя зла, ведь среди участвовавших в убийствах евреев на оккупированных территориях преобладало коренное население, о чем косвенно мы и узнаем из романа? Может быть, он хотел подчеркнуть неизбывную неприязнь и враждебность ассирийцев по отношению к евреям как древний первородный антисемитизм?.. Скорее всего, здесь другое. Еще до того, как один из персонажей, дворник Франя, говорит о родных Августа: «...Шума-ассириец их кончил», в тексте есть одно авторское наблюдение, которое дает нам усомниться, был ли убийца ассирийцем.

Ф. Горенштейн пишет: «В городе жила большая восточная семья, державшая рундучки по чистке обуви и продаже ботиночных шнурков. Некоторые именовали их грузинами, а некоторые ассирийцами. В действительности же они были то ли курды, то

ли сербы». Важно понять, что автор говорит этим читателю.

В моей единственной записанной на магнитофон беседе с Горенштейном, которая длилась всего-то 15 минут, но вместила очень многое, я спросил писателя о его персонаже — еврее Даве из рассказа «Шампанское с желчью»*, работнике обувной фабрики в Литве, который планирует эмиграцию в Германию, основываясь на том, что его тесть, литовец, был в подразделениях «Ваффен-СС» и считается в ФРГ, по его мнению, бывшим немецким служащим с правом на пенсию и другие льготы. И его, еврея, не останавливает, что тесть участвовал в уничтожении его соплеменников. Как относиться к этому еврею-выродку?

Горенштейн ответил: «Это не национальное, это социальное. Так поступили бы люди любой национальности (курсив мой. — Ю. В.) низкого уровня культурного развития, если они хотят “хорошо пожить”».

В «Искуплении» Горенштейн, похоже, художественно реализует свое убеждение, свое знание человека. Участие в уничтожении евреев для него явление не национальное, а социально-культурное, точнее, антикультурное. Внеациональное.

Вторая загадка. Описание болезни, мук убийцы Шумы в месте отсидки напоминает ад.

* Рассказ «Шампанское с желчью» см. в: Ф. Горенштейн. Страсти Израиля. М.: Книжники, 2021.

Дворник Франя: «Приехал тут один, освободился... Видал его в пересыльном... Болеет все Шума, и болезни какие-то невиданные, какие лишь в аду бывают... Мясо на ногах лопается, тело в нарывах, так что спать нельзя ни на спине, ни на животе, ни на боках, засыпает на коленях, в стену лбом упершись, а как заснет, свалится на нары, начинают гнойники лопаться, и вскакивает с криком... Его за то другие заключенные не любят, спать мешает... И еще не любят, что как еду раздают, съест ее быстро, словно пес миску вылизет, и ходит просит чужие миски облизать... Кровью кашляет, а не помирает никак... Искупление ему за младенчика... Злоба у меня на него, товарищ майор, хоть он тоже человек... Я ему говорю: Леопольда Львовича кончай, раз уж приспичило, жену кончай, дочку кончай, а дите не трожь...»

Случайны ли муки ада для Шумы уже на Земле? А смерть его маленького сына, нашедшего гранату? Она вроде случайна, но в контексте убийства Шумой пятилетнего брата Августа, не становится ли посланным свыше отмщением на Земле? Горенштейн в такие моменты никогда не дает точный ответ, он ставит вопрос, и этот вопрос, как взгляд героев в небеса, присутствует в его прозе.

Это я называю «высокой игрой Горенштейна».

Город в «Искуплении» узнаваем, думаю, только для бердичевлян. Для обычных читателей он неконкретен. И все же это, с большой вероятностью,

Бердичев. В своем исследовании «Проза Фридриха Горенштейна: контексты и интертексты» Елена Фролова находит пересечения «Искупления» с текстами Василия Гроссмана. Она написала мне, в частности: «Горенштейн упоминает там (в «Искуплении». — Ю. В.) историю доктора Барабана и его семьи. Этот доктор фигурирует во многих бердичевских текстах В. Гроссмана, в частности, в рассказе “В городе Бердичеве”, по которому был снят фильм Александра Аскольдова “Комиссар”».

В «Искуплении» мы читаем: «...Тело свое Шума холил и любил, оберегал без помощи докторов, но все-таки в дальнейших его действиях не все понятно, почему, как только представилась возможность, он специально ходил по адресам именно докторов, а не людей другой профессии, и бил их, этих докторов, без жалости. Кроме Леопольда Львовича, соседа своего, он убил педиатра Лапруна с семьей, убил хирурга Гольдина и оглохшего, полуслеплого от старости невропатолога Барабана, который, несмотря на старость и слепоту, используя многовековую природную хитрость своей натуры, сумел так ловко спрятаться вместе с запасом пищи и воды, что только Шуме, хорошо знавшему окружающую местность, удалось извлечь старого невропатолога из подвальных помещений трикотажной фабрики и убить его, ударив тут же, во дворе фабрики, подслеповатую седую голову о цементный угол склада готовой продукции...»

Трудно понять и объяснить иррациональное...

Подружившиеся в конце жизни бывший канцлер Германии Гельмут Шмидт, социал-демократ и протестант, и бывший президент страны христианский демократ и католик Рихард фон Вайцзеккер однажды заговорили в телестудии о Боге. Шмидт сказал тогда, что его вера сильно пошатнулась после того, как Бог позволил убить шесть миллионов евреев. Шмидт неоднократно заявлял публично: «Мы убили шесть миллионов евреев!» Он не говорил «нацистские преступники», он говорил «мы». Имел ли он в виду всех немцев или все человечество? Оба, и Шмидт и Вайцзеккер, прошли войну офицерами вермахта. Но в вопросе веры в Бога их разделили конфессии. Фон Вайцзеккер был шокирован: «Мы, люди, не имеем права думать и говорить так: пути Господни неисповедимы!» Шмидт тогда в телестудии выразился деликатно, не желая оскорбить чувства верующего друга, на самом деле в конце жизни он перестал верить в Бога, о чем в дальнейшем открыто говорил.

Ответ Горенштейна на тему «Бог и Холокост», данный им в романе «Псалом» (1975), парадоксален. Автор пишет там, обращаясь от имени Бога к еврейскому народу:

«— Есть особая вина ваша, которая вам вменяется, и это вина единственно подлинная в падшем, но обжитом мире, и только этой виной вы отличны от иных народов, и за эту вину терпите

наказание, а иной вины, отличной от других народов, нет на вас... Только одна подлинная вина... Имя этой вины — Беззащитность... Только этим вы виновны перед другими народами, и только в этом ваш грех передо Мной. Но пока есть на вас эта особая вина перед миром и грех передо Мной, прощу Я вам все грехи ваши. Когда же искупите эту страшную вину, тогда взыщу с вас и другие грехи. С гонителей же ваших, через которых наказываю вас, взыщу всемерно, до конца взыщу, ибо никогда Господня кара не совершается через праведников, а всегда через страшных нечестивцев.

И сказал Дан, Аспид, Антихрист, через пророка Иеремию народу своему:

— Не бойся, раб мой Иаков, — говорит Господь. — Я тебя не истреблю, а только накажу. Не наказанным же не оставлю тебя».

«Псалом» — второй роман Фридриха Горенштейна. Перед нами же «Искупление» — первый результат его философских размышлений в художественной форме о Холокосте, о преступлениях, косвенным свидетелем которых он был. И это первый его роман в полный голос без расчета на публикацию на Родине.

Так бескомпромиссно, игнорируя каноны соцреализма, до него, до 1967 года, никто по-русски не писал. Об участии в Холокосте населения оккупированных гитлеровцами территорий уж точно никто. Да, была создана документальная «Черная

Юрий Векслер

книга» Гроссмана и Эренбурга, но она была почти сразу запрещена, и на то, чтобы отважиться дать сцены Холокоста в художественной прозе, в СССР были способны немногие (В. Гроссман, «Жизнь и судьба»; А. Кузнецов, «Бабий Яр»).

Горенштейн как художник идет, пожалуй, дальше своих коллег-современников, преодолевая муку мысли о Холокосте, доходя «до самой сути» (Б. Пастернак) и воплощая ее в своих героях.

15 ноября 2022 года, Берлин